

Shakespeare Committee, History of World Culture Research Council,
Russian Academy of Sciences

Lomonosov Moscow State University

Crosses of Time

Studia Litterarum from Middle Ages to Modernity

In memoriam
Andrey Nikolaevich Gorbunov

Moscow 2023 Litfact

Шекспировская комиссия при Совете «История мировой культуры»
Российской академии наук

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Эпох скрещенья

**Литературные исследования
от Средневековья до Нового времени**

Сборник памяти
Андрея Николаевича Горбунова

Редакторы-составители
В.С. Макаров, Н.Э. Микеладзе

Рецензенты:
д-р филол. н., проф. Е.Н. Черноземова
д-р филол. н., проф. Н.А. Литвиненко

Эпох скрещенья. Литературные исследования от Средневековья до Нового времени. Сборник памяти Андрея Николаевича Горбунова. Редакторы-составители В.С. Макаров, Н.Э. Микеладзе. – М.: Литфакт, 2023. – 408 с.: илл.

Книга посвящена памяти выдающегося российского литературоведа, знатока английской и европейской культуры Средних веков, Возрождения и XVII века, специалиста в области компаративных исследований и поэтического перевода Андрея Николаевича Горбунова (1940–2021). Вошедшие в сборник историко-литературные и сравнительно-литературные исследования культуры Запада и России в диапазоне XII–XX столетий отражают широту его научных интересов. В книге рассматриваются особенности интерпретации некоторых средневековых и ренессансных категорий, включая богословские (смерти, любви, познания Бога), изучаются механизмы складывания топосов («живые» шпалеры, «лечение» словом и игрой), прослеживается влияние религиозных сюжетов и образов на формирование, сочленение и переосмысление сюжетных и жанровых моделей в XVI–XX веках (от Шекспира до Йейтса). Полярные образы современного поэта выявлены в творчестве П. Клоделя и модернистов. Ряд исследований посвящен творческому освоению произведений западноевропейской культуры в русской культуре XVIII–XIX веков, вырабатывающей свои формы (у Карамзина, Пушкина, Островского). Особое внимание уделено проблемам перевода шекспировских текстов и представлены фрагменты из новых переводов «Короля Лира» и «Ричарда III».

Книга адресована филологам и историкам, философам, искусствоведам и переводчикам, она будет полезна и широкому кругу читателей, интересующихся историей английской и русской культур.

Авторы фотопортретов А.Н. Горбунова – Б.Н. Гайдин (на фронтисписе) и Н.В. Баркова (на переплете).

© В.С. Макаров, Н.Э. Микеладзе, составление 2023
© Авторы статей и переводов 2023
© Издательство «Литфакт» 2023

Этот сборник любовно собирался нами к восьмидесятилетию нашего выдающегося коллеги, учителя и друга Андрея Николаевича Горбунова.

Однако в 2020 году по ряду причин он не был опубликован. Андрей Николаевич скончался 11 июня 2021 года, так и не увидев при жизни эту книгу. Мы публикуем сборник, ничего в нем не меняя: как предназначенный стать юбилейным, а фактически превратившийся в мемориальную книгу, посвящаемую нами светлой памяти прекрасного человека и ученого. Уильям Шекспир был прав: «Our thoughts are ours, their ends none of our own»

А. В. Аксенов

**ПУРИТАНСКОЕ ПРОШЛОЕ
В МАЛОЙ ПРОЗЕ Н. ГОТОРНА:
ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ**

Обучаясь в Бодуэновском колледже в штате Мэйн, Натаниель Гэторн (Nathorne, 1804–1864) изменил написание своей фамилии, вставив в нее дополнительную букву «w» (Hawthorne). Это был странный акт, обозначающий, быть может, стремление дистанцироваться от беспокоящего прошлого.

Причина для беспокойства была. Предок Готорна капитан Уильям Гэторн (1606–1681), прибывший в Америку на «Арабелле» в 1632 году, был известен своими победами над индейцами и преследованием квакеров. По его приказу пять женщин из секты квакеров были «обнажены до пояса, привязаны к повозке и протащены по Сейлему, в то время как стоящий на повозке констебль хлестал их бичом»¹. Его сын полковник Джон Гэторн (1641–1717) служил судьей во время знаменитого сейлемского процесса над ведьмами 1692 года и лично приговорил к казни через повешение двадцать человек. Известно, что одна из осужденных, услышав приговор, публично прокляла весь род судьи Гэторна. Ранняя смерть от лихорадки на Суринамских островах отца писателя капитана Натаниеля Гэторна-старшего (1775–1808) воспринималась в семье как следствие этого проклятия.

Насколько серьезное значение имели все эти факты семейной истории для Готорна, явствует из его творчества. На страницах предисловия к роману «Алая буква» (1850) автор торжественно приносит покаяние за деяния своих предков. Тема фамильного проклятия проходит через роман «Дом о семи фронтонах» (1851). Наконец, события ранней американской истории составляют сюжет очень значительной части рассказов Готорна и его романа «Алая буква». Таким образом, национальное прошлое присутствует на страницах Готорна как часть (одновременно трагическая и славная) его семейного прошлого, с которым его самого связывают родовые и духовно-нравственные узы.

---

¹ Федосенок И.В. Грани романтического сознания: жизнь и творчество Натаниеля Готорна. М., 2004. С. 50.

Но обращение Готорна к прошлому имеет не только личные причины. Для американской литературы того времени был характерен обостренный интерес к национальной истории. Спустя несколько десятилетий после рождения нации, в 10-20-х годах XIX века, Америка пыталась осмыслить себя, выработать национальное самосознание. В этом помогало обращение к героическому революционному прошлому, воплотившемуся во множестве исторических романов, описывающих батальные подвиги Войны за независимость. Современники Готорна зачитывались романами Д.П. Кеннеди, У.Г. Симмза, Д.К. Полдинга, К. Сэджуик, Д. Нила и др. Обращение Готорна к истории можно связать с современными ему культурными запросами.

Правда, прошлое в произведениях Готорна имеет несколько иной характер, чем у названных авторов. Его не очень интересовала динамика революционных событий, бывшая в центре внимания большинства современников. И даже не американская история как таковая. Готорна волновало прошлое в его нравственном измерении. Поэтому он существенно трансформировал «куперовский» тип исторического повествования.

Американский опыт мыслился многими как наступление новой эпохи, и американский исторический роман, воспевающий национальную героиню и своеобразие, празднует это революционное освобождение от прошлого. В осмыслении американцами начала XIX века своего национального своеобразия сильна была революционная струя с ее пафосом разрыва с Европой.

Однако в американской художественной мысли присутствует и иное решение проблемы прошлого. «Прошлое никогда не умирает. Оно остается с нами», – сказал уже в XX веке устами своего персонажа У. Фолкнер. Прошлое никогда не умирало и для Готорна. Для обоих классиков прошлое было тяжелым бременем – и источником творчества. Поэтому Готорн вновь и вновь обращается к дореволюционному прошлому. При этом он проблематизирует американскую *историю* с ее пафосом разрыва и выпадения из Истории – в контексте *прошлого*, в котором национальная история вплетается в ткань мировой жизни, единой по своему нравственному смыслу.

Готорн мог разделять пафос революционного обновления лишь отчасти, так как понимал его ограниченность. Ему ближе идея не разрыва, но единства и преемственности. Основу этого единства он видел в единстве человеческой природы, поэтому и прошлое для него является не чем-то отдельным от настоящего, не объектом нарочитой эстетизации,

но материалом для морально-философских обобщений. В прошлом действуют те же вечные законы, что действуют и в настоящем. Они задают единство и смысл истории и представляют для Готорна главный интерес. При всем его внимании к исторической детали, мастерстве воссоздания колорита прошлой эпохи, — не факт и не документ для него главное, но нравственный смысл происходящего. Поэтому среди рассказов Готорна немало таких, в которых приметы исторического времени вообще отсутствуют, их действие можно отнести равным образом и к прошлому, и к настоящему.

В предисловии к сборнику «Снегурочка» (*The Snow-Image*, 1852) Готорн определял свое писательское занятие как «проникновение, насколько это возможно, в глубины нашей общей природы»¹. Взгляд, обращенный вглубь человеческой природы, неизбежно видит там катастрофу, обозначаемую понятием «грехопадение». Личное, родовое, национальное и всемирное прошлое совпадают в причастности этой катастрофе. В своей статье о Готорне Мелвилл пишет: «Несомненно, что его великая мрачность обретает свою действительность благодаря близости ее к свойственному кальвинизму ощущению врожденной греховности, первородного греха...»².

Мелвилл справедливо говорит об особой пуританской «мрачности» Готорна. Действительно, не просветленный надеждой взгляд кальвинистской доктрины, как кажется, определяет колорит многих страниц Готорна. Но взгляд Готорна на человека все же глубже и полнее. В его «Американских записных книжках» отражен замысел изобразить человеческое сердце в виде пещеры. У входа сияет солнце, но далее в бесконечных переходах царит мрак, и путника обступают чудовища. Лишь в самой глубине можно найти «такое же солнечное сияние и такие же цветы, как у входа, но только много прекраснее. Это ясные и мирные глубины сердца и человеческой природы. Мрак и ужас могут таиться глубоко, но еще глубже вечная красота»³. Используя этот образ, можно сказать, что трансцендентализм Новой Англии видит только красивые

---

¹ *Hawthorne, Nathaniel. The Snow-Image and Uncollected Tales. The Centenary Edition of the Works of Nathaniel Hawthorne. Vol. XI. Ohio State University Press, 1974. P. 4.*

² Эстетика американского романтизма / Сост. А.Н. Николюкин. М., 1977. С. 382.

³ *Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Л., 1982. Т. 2. С. 446–447.*

цветы на поверхности человеческой жизни. Кальвинизм пуритан, учащий о полной поврежденности человека грехом (*total depravity*), в безнадежном отчаянии блуждает по темным лабиринтам сердца. Лишь взгляд, видящий под порчей греха вечную красоту образа Божия в человеке, может найти выход из глубин духовного подполья...

Обращение Готорна к прошлому было также связано с особенностями романтического метода, в русле которого он писал. Готорн часто жалуется в предисловиях, что окружающая жизнь дает мало материала для литературы, которая требует некоей «волшебной страны» «со своей особой зачарованной атмосферой, в которой населяющие ее люди выглядят по-особому»¹. В современной ему Америке, напротив, «нет тени, нет старины, нет тайны, нет колоритного и мрачного зла, нет ничего, кроме банального процветания при простом и ясном солнечном свете»². Этот яркий обыденный свет не позволяет видеть правды человеческого сердца, которая скрывается от него, но гораздо легче обнаруживается при таинственном и неверном лунном свете, на некоей «нейтральной территории между реальным и сказочным миром»³, где встречаются и сливаются действительное и воображаемое. Такой «нейтральной территорией» становится у Готорна прошлое. Люди и предметы, воспринимаемые сквозь покров исторической дымки, теряют свою самодовлеющую однозначность и превращаются в символы, в которых выражает себя жизнь сердца.

Поэтому факты истории в изображении Готорна непременно выстраиваются в аллерегию, раскрывая свой моральный смысл. В этом Готорн проявляет себя как носитель черт пуританского (шире – религиозного) миросозерцания. Метод Готорна можно назвать «реализмом в высшем смысле», как назвал свой метод Достоевский. Вымысел здесь не есть произвольная игра авторского воображения, но выражение простых и объективных духовных истин. Требуется лишь прикосновение воображения, руководимого нравственным чувством, к историческим фактам, чтобы они проявили свой моральный смысл и коснулись сердец читателей⁴.

---

¹ Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Л., 1982. Т. 1. С. 234.

² Hawthorne, Nathaniel. *The Marble Faun or the Romance of Monte Beni*. Boston, 1883. P. 15.

³ Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. С. 66.

⁴ См. очерк Готорна «Мольба Алисы Доуэн» (*Alice Doane's Appeal*, 1835).

Но при этом Готорн всегда оставляет за читателем возможность нравственной рефлексии и свободу истолкования его исторических «аллегорий». Уже ранние читатели Готорна выделили две, казалось бы, взаимоисключающие особенности его творчества: обостренный интерес к моральным проблемам и одновременно особый способ письма, позволяющий автору «уклоняться» от окончательных моральных суждений. Так, Гильдерой Грифин (1871) пишет: «Кажется, Готорн желает не столько указать истину, сколько дать читателю возможность самому ее найти»¹. Более поздний критик Теодор Мюнгер (1904) писал о том же: «Готорн, этот совершенный художник, никогда не утверждает и не изображает до конца, но только намекает и оставляет прочее читателю»². В XX веке пресловутая «амбивалентность» Готорна получила дальнейшее теоретическое осмысление. Айвор Уинтерс (1938) назвал ее «формулой альтернативных возможностей»³, а Ф.О. Маттисен в своей знаменитой книге об «американском ренессансе» (1941) обозначил как «прием множественного выбора»⁴.

Но чем порождена такая особенность? Можно согласиться с Хьятом Х. Уэгонером, который прямо связывает смысловую многозначность Готорна с особенностями его религиозного сознания. «Религиозная вера Готорна была экзистенциально ориентирована, – пишет он. – Но религиозный опыт, в отличие от доктрины и догмы, всегда, по необходимости, неоднозначен»⁵. Соответственно, «двусмысленность не только не коробила Готорна, но казалась ему необходимой для любого полного и честного отражения опыта»⁶.

Эта неоднозначность опыта, проецируясь в творчество писателя, обретает свое выражение в текстовых «структурах неопределенности», которые вынуждают читателя Готорна активно соучаствовать в по-

---

¹ The Critical Response to Nathaniel Hawthorne's «The Scarlet Letter». Ed. Gary Scharnhorst. N.Y, Westport, Connecticut, L., 1992. P. 65.

² Ibid. P. 125.

³ *Winters, Ivor*. Maule's Curse: Seven Studies in the History of American Obscurantism // In Defense of Reason. L. Third edition. P. 170.

⁴ *Matthiessen, F.O.* American Renaissance: Art and Expression in the Age of Emerson and Whitman. N.Y., 1941. P. 276.

⁵ *Waggoner, Hyatt H.* Art and Belief // Hawthorne Centenary Essays. Ohio State University Press, 1964. P. 192.

⁶ Ibid. P. 169.

строении его произведений, выбирая свои собственные прочтения из нескольких предлагаемых автором нарративных возможностей текста, остающегося при этом, говоря словами В. Изера, «бесконечно богаче, чем любое из этих частных прочтений»¹. В произведениях Готорна смысл никогда не лежит на поверхности, но требует для своего постижения герменевтического усилия, важнейшей составляющей которого является нравственная рефлексия.

Это справедливо для многих рассказов Готорна и его лучшего романа «Алая буква». Здесь мы подробнее рассмотрим рассказ «Эндикотт и красный крест» (*Endicott and the Red Cross*, 1837), посвященный событиям ранней американской истории. Нас интересует, как осмысление прошлого автором определяет художественные особенности рассказа, делая его содержание поводом для нравственной рефлексии читателя. Соответственно, при разборе рассказа мы будем по возможности следовать линейному движению самого текста, пытаясь реконструировать «акт чтения» в определенной последовательности его важнейших событий-образов. Это не исключает нашего обращения к историческим фактам и источникам, когда это помогает прояснить или оттенить что-то в тексте Готорна.

Действие рассказа «Эндикотт и красный крест» приходится на 1634 год. В это время Карл I создал специальную Королевскую комиссию во главе с влиятельным врагом пуритан архиепископом У. Лодом. Задачей комиссии было ограничить свободу эмиграции и пересмотреть хартию колонии. В рассказе Готорна описывается впечатление, которое произвело известие об этих решениях на пуританский Сейлем. Как это часто бывает у Готорна, исторические события принимают характер моралистической драмы, разыгрывающейся с характерной скупостью декораций на помосте прошлого Новой Англии.

Рассказ открывается выразительной панорамой пуританского поселения, которая отражается в начищенных до блеска доспехах Джона Эндикотта, командующего военными учениями. Учения эти не случайны: колониям угрожает опасность как из глубины диких лесов, так и со стороны цивилизованных недругов, оставленных на другой стороне океана. «It was a period when the religious exiles were accustomed often to buckle on their armor, and practice the handling of their weapons

---

¹ Цит. по: *Dunne, Michael. Hawthorne's Narrative Strategies. Jackson, 1995. P. 20.*

at war»¹. Образ пуританского изгнанника у Готорна неотделим от атрибутов военной силы. Поэтому доспехи Эндикотта являются самой подходящей плоскостью для отражения примет колониального поселения.

На учения вынесен английский королевский флаг с крестом, которому суждено сыграть важную роль в рассказе. Знамя с крестом – чуть ли не единственный атрибут христианской традиции в колонии. «The central object in the mirrored picture was an edifice of humble architecture with neither steeple nor bell to proclaim it – what nevertheless it was – the house of prayer»².

«Центр» этого общества («the central object») – религия, но довольно своеобразная. На ступени храма капает кровь из прибитой над его входом оскаленной волчьей головы. Смысл такого обычая, впрочем, не религиозный: за голову положено вознаграждение. В непосредственной близости от дома молитвы находится «важное орудие пуританской власти – столб для наказания кнутом»³, вокруг которого земля хорошо утоптана. У одного угла молитвенного дома – позорный столб, у другого – колодки. К столбу прикован приверженец епископальной англиканской церкви, в колодках сидит преступник, провозгласивший тост во здравие короля.

Таким образом, пуританами отвергается традиционная верховная власть как в церкви (епископы), так и в государстве (король), и инакомыслие «справа» сурово пресекается. Но пуританскому содружеству угрожает внутренняя опасность и «слева», требующая не менее жестких мер. На ступеньках молитвенного дома отбывают позорное наказание мужчина и женщина. Преступление первого – самовольная проповедь и толкование Библии вопреки «непогрешимому суждению гражданских и церковных правителей»⁴. Это – один из тех «энтузиастов», которые

---

¹ Hawthorne's Short Stories. Vintage Books, N.Y., [1951]. P. 138. «Это было время, когда изгнанникам, которых преследовали за их религиозные убеждения, часто приходилось надевать доспехи и упражняться в обращении с оружием» (Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2 С. 168).

² Ibid. P. 138–139. «Центральное место в этой отраженной картине занимало здание простой архитектуры, на котором не было ни колокольни, ни колокола, указывающих на его назначение, и которое тем не менее было церковью» (Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2 С. 169).

³ Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 169.

⁴ Там же. С. 170.

подрывали теократический строй претензиями на особые личные откровения. Рядом с ним стоит женщина, язык которой защеplen деревянной шпилькой в наказание за злословие церковных старейшин. По замечанию рассказчика, вид обоих свидетельствует о том, что по окончании наказания они немедленно повторяют свои преступления, что потребует изобретения для них новых кар. Очевидно, насилие малоэффективно в пресечении религиозного инакомыслия, что видно из истории самих пуритан.

Но пуритане в изображении Готорна не извлекают уроков из собственной истории, и потому, как только избегают преследований, сами становятся гонителями. Впрочем, репрессиям подвергаются не только идейные противники, но и все, кто не соответствует нормам праведности, возведенным в силу государственного закона. Об этом можно судить по разнообразию наказаний, знаки которых носят на себе жители колонии: «But among the crowd were several whose punishment would be life-long; some, whose ears had been cropped, like those of puppy dogs; others, whose cheeks had been branded with the initials of their misdemeanors; one, with his nostrils slit and seared; and another, with a halter about his neck, which he was forbidden ever to take off, or to conceal beneath his garments»⁵.

Обращение с человеком, как с животным (обрубание ушей и ноздрей, веревка на шее), несмыслаемые клейма, символизирующие невозможность для их носителей покаяния и прощения – таковы некоторые проявления практики пуритан в изображении Готорна. Нравственные плоды таких способов исправления грешников также обозначены рассказчиком: человеку с веревкой на шее, должно быть, «мучительно хотелось прикрепить другой конец веревки к подходящей перекладине или суку»⁶. В толпе мы находим и прототип Эстер Прин из романа «Алая буква»: «There was likewise a young woman, with no mean share of beauty, whose doom it was to wear the letter A on the breast of her gown, in the

---

⁵ Hawthorne's Short Stories... P. 140. «Однако среди толпы было несколько человек, обреченных нести наказание в течение всей жизни; у некоторых были обрублены уши, как у щенков, у других на щеках были выжжены начальные буквы слов, обозначающих их преступления; одному вырвали и прижгли ноздри, другому надели на шею веревку с петлей и запретили снимать ее или прятать под одеждой» (*Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 170).

⁶ *Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 170.

eyes of all the world and her own children»¹. И здесь жестокое наказание служит еще большему ожесточению оступившейся души: «Sporting with her infamy, the lost and desperate creature had embroidered the fatal token in scarlet cloth, with golden thread and the nicest art of needlework; so that the capital A might have been thought to mean Admirable, or anything rather than Adultrous»². Этот пассаж помогает лучше понять героиню будущего романа Готорна.

Рассказчик с тонкой иронией предупреждает возможный вывод читателя, основанный на этой картине многообразных наказаний, об особой, по сравнению с современностью, порочности нравов в пуританские времена. Вся разница состоит лишь в степени строгости и широте применения закона. Как пишет Готорн, пуритане взяли себе за правило, «выискивать даже самые тайные прегрешения и выставлять их на посрамление при ярком солнечном свете»³. Тем самым они, действительно, превосходили в моральной строгости предшествующие им христианские сообщества⁴.

Следующая картина на сейлемской площади – строй закованных в латы пуританских воинов, насчитывающий в своих рядах все мужское население колонии «от шестнадцати до шестидесяти лет». Они вооружены тяжелыми мушкетами и готовы пустить их в ход по слову своего командира. Эндикотт призывает своих воинов показать нескольким

¹ Hawthorne's Short Stories... P. 140. «Там находилась и молодая женщина, довольно красивая, осужденная носить на груди платья букву П на глазах всего света и собственных детей» (*Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 170).

² Hawthorne's Short Stories... P. 140. «Выставляя напоказ свой позор, несчастное, доведенное до отчаяния создание вырезало роковой знак из красной материи и пришло его золотыми нитками, по возможности изящнее, к платью, так что можно было подумать, что буква П означает “Прелестная” или что-нибудь в этом роде, но никак не “Прелюбодейка”» (*Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 170)

³ *Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 170.

⁴ См., например, 34 правило св. Василия Великого (III в.), в котором он, ссылаясь на мнение «отцов», запрещает «жен прелюбодействовавших и исповедавшихся в том» «явными творити» (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1996. Т. 1. С. 419). Как пишет комментатор к церковным правилам, «главная и первая цель всякого церковного наказания состоит в том, чтобы направить к добру членов церкви, случайно уклонившихся от прямого пути» (Там же. С. 56).

индейцам, со стороны наблюдающим эту сцену, что они пользуются оружием как «сильные люди» («men of might»). Таким образом, и к «несчастливым язычникам» («these poor heathen», по выражению Эндикотта), пуританская община обращена стеной стальных нагрудников и огнестрельных стволов.

Но начало военных учений задерживается по причине появления нового лица. Это почтенного вида человек в черном плаще и высокой шляпе пуританского священника, с длинной седой бородой. «This reverend person bore a staff which seemed to have been recently cut in the forest, and his shoes were bemired as if he had been travelling on foot through the swamps of the wilderness. His aspect was perfectly that of a pilgrim, heightened also by an apostolic dignity»¹. Архаическая простота и достоинство этого человека проявляется и в том, как, после молитвенного обращения взора к небу, он пьет воду из журчащего родника, зачерпнув ее рукой.

Это Роджер Уильямс, пастор сейлемской церкви, уроженец Лондона и выпускник Кембриджа. Чтобы понять его место в рассказе, приведем некоторые сведения об этой примечательной фигуре пуританской истории. Через несколько месяцев после описываемых в рассказе событий Роджер Уильямс предстанет перед судом в Бостоне по обвинению в «различных опасных мнениях». По свидетельству Джона Уинтропа², Уильямс считал, в частности, что нарушение первых пяти заповедей Десятисловия не должно считаться уголовным преступлением и подвергаться каре властей, кроме случаев, когда такое нарушение влечет за собой угрозу гражданскому миру. Таким образом, Уильямс выступал за свободу совести. Он писал: «Воля и заповедь Божия состоит в том, чтобы, с пришествием на землю Сына Его Господа Иисуса, всем людям во всех народах и странах была дарована свобода совести и поклонения – язычникам, иудеям, туркам и антихристианам, и что против них следует бороться только тем оружием, которое способно принести победу в духовном деле, а именно, мечем Духа Божьего,

---

¹ Hawthorne's Short Stories... P. 141. «Это почтенное лицо опиралось на палку, которую, казалось, только что срезали в лесу, а башмаки его были в грязи, как будто он шел пешком через дикие болота. Видом своим он в точности походил на пилигрима, но при этом держался с апостольским достоинством» (Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 171).

² Winthrop's Journal: History of New England, 1630–1649 // Heritage of American Literature: Beginnings to the Civil War. Ed. James E. Miller, Jr., San Diego et al., 1991. Vol. 1. P. 99.

словом Божиим»¹. Кроме того, типологическое истолкование событий Ветхого Завета (как прообразов и символов событий Нового), которого придерживался Уильямс, подрывало основы пуританской теократии, строившейся буквально по образцам Ветхого Завета. Также, Роджер Уильямс считал несправедливым отбирать земли у индейцев и обращаться с ними, как с неполноценными людьми, «дикарями».

Бостонский суд запретил Уильямсу распространять свои «мнения», согласно которым «церковь может впасть в ересь, апостасию или тиранию, а гражданский магистрат даже не имеет права вмешаться»². Однако, Уильямс не внял этим увещаниям и собрал в Сэйлеме группу последователей. Поэтому на следующем заседании суда, в январе 1636 года, было решено выслать его в Англию. Уильямс бежал от суда и скитался «в горькое зимнее время, не ведая ни хлеба, ни постели». Его приютили индейцы, обычаи и нравы которых, показывая их превосходство над европейскими, он позже описал в своей этнографически-философском труде «A Key into the Language of America» (1643).

Наконец, Уильямс попал на Род-Айленд, где основал колонию Провиденс. Здесь он осуществил на практике свои принципы, закрепив их королевской хартией в 1644 году. Правление в колонии было демократическое, церковь отделена от государства и всем предоставлена религиозная свобода. Род-Айленд стал пристанищем диссидентов и вольнодумцев со всей Новой Англии. Естественно, существование такой колонии вызвало сильное недовольство соседей, и Уильямс до конца своей жизни вел письменную полемику с Джоном Коттоном и другими пуританскими теологами. В ходе этой полемики он писал: «Кто наказывает тело человека, редко или никогда не приносит пользы его душе»³. Впрочем, став правителем колонии, он вынужден был скорректировать и свое определение свободы совести, из которого некоторые жители его колонии сделали вывод, что нарушители гражданских законов по мотивам совести должны оставаться безнаказанными. В своем «Письме городу

---

¹ *Williams, Roger. The Bloody Tenet of Persecution for Cause of Conscience // Heritage of American Literature: Beginnings to the Civil War. Ed. James E. Miller, Jr., San Diego et al., 1991. Vol. 1. P. 122–123.*

² *Winthrop's Journal: History of New England, 1630–1649... P. 99.*

³ *Williams, Roger. Mr. Cotton's Letter Lately Printed, Examined, and Answered (1644) // Heritage of American Literature: Beginnings to the Civil War. Ed. James E. Miller, Jr., San Diego et al., 1991. Vol. 1. P. 117.*

Провиденс» (1655). Уильямс сравнил государство с большим кораблем, в команде которого могут оказаться вместе «паписты и протестанты, евреи и турки». Все они могут молиться как и когда им угодно, и их нельзя принуждать к общей молитве. Этим и ограничивается свобода совести. При этом все должны подчиняться корабельной дисциплине, исполнять приказы капитана, а если кто-то взбунтуется против власти, даже под предлогом равенства всех перед Богом, то таковых нарушителей должно «судить, усмирять, принуждать и наказывать по их заслугам»¹. Таким образом, Уильямс решительно разделял «Божие» и «кесарево». Таковы были взгляды и судьба почтенного человека, что явился перед строем пуританских воинов в рассказе Готорна.

Хотя уже с 1633 года за Роджером Уильямсом была замечена приверженность неортодоксальным взглядам, прямой конфликт еще не развернулся. По сюжету рассказа, Уильямс посетил в Бостоне Уинтропа и участвовал в губернаторском совете. Он принес Эндикотту послание от губернатора, в котором сообщается о готовящихся в Англии мерах притеснения американских колоний. Несмотря на просьбу губернатора не разглашать эти вести народу, дабы не спровоцировать беспорядки, Эндикотт по получении письма сразу обращается к своему войску и народу Сэйлема со страстной речью. В ней в сжатой форме излагается пуританская идеология (в том виде, как ее понимает Готорн), поэтому мы рассмотрим эту речь подробнее.

«Товарищи по оружию, товарищи по изгнанию!», – так называет Эндикотт своих слушателей. Как мы видели, изгнанничество «правды ради», действительно, сочетается в пуританах с умением и готовностью пользоваться силой оружия. Их вождь вопрошает их, во имя чего они покинули родину, плодородные поля, свои дома и замки, могилы предков и переселились в пустыню, в окружение диких зверей и диких людей, дабы возделывать бедную почву под неприветливым небом. «Was it not for the enjoyment of our civil rights? – спрашивает Эндикотт. – Was it not for liberty to worship God according to our conscience?»².

---

¹ *Williams, Roger. Letter to the Town of Providence // Heritage of American Literature: Beginnings to the Civil War. Ed. James E. Miller, Jr., San Diego et al., 1991. Vol. 1. P. 126.*

² *Hawthorne's Short Stories... P. 143. «Разве не во имя того, чтобы пользоваться нашими гражданскими правами? Разве не во имя права свободно служить господу так, как нам велит наша совесть?» (Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 173).*

Здесь убедительное красноречие Эндикотта прерывает голос «самовольного проповедника», несущего наказание на ступенях молитвенного дома: «Call you this liberty of conscience?» («Ты называешь это свободой совести?») Ироническая уместность этого вопроса очевидна по крайней мере одному из свидетелей этой сцены: «A sad and quiet smile flitted across the mild visage of Roger Williams»¹. Однако, Эндикотт делает в сторону наказуемого протестанта угрожающий жест мечом и приказывает ему молчать под угрозой ужесточения наказания: «What has thou to do with conscience, thou knave? I said liberty to worship God, not license to profane and ridicule him»². Очевидно, что право проводить тонкую грань между молитвой и ее профанацией с упразднением церковной иерархии перешло к светской власти, к носителям меча. В Англии таковым оказался король, приверженный англиканизму, поэтому пуритане вынуждены были спасаться от преследования. В Сэйлеме это пуританин Эндикотт, потому религиозный диссидент оказывается в колодках.

Далее в речи Эндикотта звучат мотивы радикальной утопии: «We have sacrificed all things, and have come to a land whereof the old world hath scarcely heard, that we might make a new world unto ourselves, and painfully seek a path from hence to heaven»³. Построению «нового мира», однако, мешают планы английского короля Карла I, этого, по определению Эндикотта, «сына шотландского тирана, внука прелюбодейной шотландской папистки, смерть которой доказала, что золотая корона не всегда спасает голову помазанника от плахи»⁴. Очевидно, что верховная власть не внушает пуританскому вождю ни любви, ни простого почтения. Ему ненавистна и сама идея монархии, коль скоро она служит насаждению ложной, по его мнению, религии.

¹ Hawthorne's Short Stories... P.143. «Печальная и спокойная усмешка мелькнула на кротком лице Роджера Уильямса» (*Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 173).

² Hawthorne's Short Stories... P. 143. «Что ты знаешь о совести, ты, мошенник? – Я говорил о свободном служении Господу, а не о своевольном осквернении и осмеянии Его» (*Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 173).

³ Hawthorne's Short Stories... P. 143. «Мы пожертвовали всем и прибыли в страну, о которой едва ли слышали в Старом Свете, для того чтобы превратить ее в Новый Свет и в трудах искать путь отсюда на небеса» (*Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 173).

⁴ *Готорн Н.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 173.

Между тем, как выяснилось, Карл I и архиепископ Лод собираются назначить в колонии генерал-губернатора с обширными полномочиями. «They are minded also, – продолжает Эндикотт, – to establish the idolatrous forms of English Episcopacy; so that, when Laud shall kiss the Pope's toe, as cardinal of Rome, he may deliver New England, bound hand and foot, into the power of his master!»¹. Слушатели Эндикотта отвечают на этот страшный прогноз стоном гнева и скорби. Им более всего претит папская власть и все ее атрибуты, появление которых в колонии пророчит Джон Эндикотт: «If this king and this arch-prelate have their will, we shall briefly behold a cross on the spire of this tabernacle which we have builded, and a high altar within its walls, with wax tapers burning round it at noonday. We shall hear the sacring bell, and the voices of the Romish priests saying the mass»².

В христианском сознании должны были произойти действительно глубокие изменения, прежде чем священные символы и таинства этой веры – крест, алтарь, Евхаристия – стали вызывать такое неприятие у ее приверженца, которое выражается словом и готово выразиться в решительном кровавом действии: «But think ye, Christian men, that these abominations may be suffered without a sword drawn? without a shot fired? without blood split, yea, on the very stairs of the pulpit?»³. Эндикотт готов до смерти защищать землю, которую он и его единомышленники «оплатили своими товарами, завоевали своими мечами, расчистили своими топорами, возделали в поте лица и освятили своими

---

¹ Hawthorne's Short Stories... P. 143–144. «Они собираются также учредить идолопоклоннические церемонии английской епископальной церкви; так что, когда Лод будет целовать, как римский кардинал, туфлю папы, он сможет отдать Новую Англию, связанную по рукам и ногам, во власть своего хозяина» (*Готорн Н. Избранные произведения*: В 2 т. Т. 2. С. 174).

² Hawthorne's Short Stories... P. 144. «Если этот король и этот архиепископ добьются своего, то мы скоро увидим крест на шпилье этой молельни, которую мы выстроили, а в ее стенах – высокий алтарь, вокруг которого и днем будут гореть восковые свечи. Мы услышим звон колокола при освящении святых даров и голоса папистских священников, служащих мессу» (*Готорн Н. Избранные произведения*: В 2 т. Т. 2. С. 174).

³ Hawthorne's Short Stories... P. 144. «Но подумайте только, христиане, – неужели мы позволим свершиться всем этим мерзостям, не обнажив меча, без единого выстрела, не пролив ни единой капли крови, – и все это на самых ступенях церковной кафедры?» (*Готорн Н. Избранные произведения*: В 2 т. Т. 2. С. 174).

молитвами»¹. «Who shall enslave us here? – вопрошает Эндикотт. – What have we to do with this mitred prelate, – with this crowned king? What have we to do with England?»².

Король и первосвященник – царство и церковь – предстают как поработители, и Эндикотт, поощряемый взглядами возбужденных его речью людей приказывает офицеру опустить крестоносное английское знамя. «The officer obeyed; and, brandishing his sword, Endicott thrust it through the cloth, and, with his left hand, rent the Red Cross completely out of the banner. He then waved the tattered ensign above his head»³. В более раннем рассказе Готорна, «Майское дерево Мерри-Маунта» (1836) тот же Эндикотт срубил мечем майское дерево – атрибут стремящегося к господству в колонии неоязычества. Здесь же иконоборчество пуританина простерлось и на главный символ той религии, к чистому исповеданию которой он сам стремится. Взмахом меча он отсекает себя от Англии и от прошлого...

Но некоторыми из зрителей его поступок воспринимается как акт кощунства и мятежа. «“Sacriligious wretch!” cried the high-churchman in the pillory, unable longer to restrain himself, “thou hast rejected the symbol of our holy religion!” “Treason, treason!” roared the royalist in the stocks. “He hath defaced the King’s banner!”»⁴. Как и ранее, доносящиеся с орудий наказания комментарии оказываются весьма уместными. Крест на знамени – символ древний, он есть знак не только эфемерной власти того или иного тирана, но и вообще власти одновременно небесной и земной, и, срывая его, Эндикотт выражает свое освобождение не только из-под господства короны и папской тиары, но и от самого принципа

¹ Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 174.

² Hawthorne’s Short Stories... Р. 144. «Кто же сможет поработить нас здесь? Что нам до этого прелата в митре, до этого короля в короне? Что нам до Англии?» (Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 174).

³ Hawthorne’s Short Stories... Р. 144. «Офицер повиновался, и Эндикотт, взмахнув мечом, вонзил его в ткань знамени и левой рукой вырвал оттуда красный крест. Затем он потряс над головой изорванным знаменем» (Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 174).

⁴ Hawthorne’s Short Stories... Р. 144. «Гнусный святотатец! – воскликнул, не в силах более сдерживаться, приверженец епископальной церкви, стоявший у позорного столба. – Ты отверг символ нашей святой веры! – Измена! Измена! – завопил роялист, закованный в колодки. – Он надругался над королевским знаменем!» (Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 174).

иерархической освященной власти, восходящей к небесному Престолу. Отменившая церковную иерархию Реформация была началом такого освобождения, а завершением его станет Революция, перевернувшая иерархию земную. Эндикотт делает уверенный шаг от религиозной революции к политической. И теперь, как бы в предвосхищение принципов нового строя, он ищет санкции народа, который, вместо Бога и короля, становится источником его собственной власти.

Впрочем, народное одобрение получить не так уж трудно. Эндикотт чутко угадал настроение толпы (недаром он говорил пытавшемуся прервать его речь Роджеру Уильямсу: «My spirit is wiser than thine for the business now in hand»)¹. Кроме того, он уже испытал воздействие на народ своего харизматического авторитета и риторики. Поэтому и теперь, после своего иконоборческого деяния, он прибегает к тем же простым приемам, заглушающим возможный индивидуальный протест: «Beat a flourish, drummer! – shout, soldiers and people! – in honor of the ensign of New England. Neither Pope nor Tyrant hath part in it now!»².

---

¹ Hawthorne's Short Stories... P. 143. «Мой дух прозорливее твоего в этом деле» (Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 173). И все-таки, Эндикотт явно опережал свое время, если не в убеждениях, то в действиях. Описанный Готорном эпизод имеет историческую основу: в знак протеста против планов короля Джон Эндикотт приказал спороть крест святого Георгия с полотнища английского флага. По этому поводу губернатор Уинтроп писал в своем дневнике: «Дело представляется серьезным, ибо существует опасность, что осквернение королевского флага может быть расценено как мятеж или иное государственное преступление; хотя многие утверждают, что красный крест был дарован королю Англии папой и, следовательно, являет собой символ суеверия и наследие Антихриста» (Там же. С. 481). Последняя оговорка Уинтропа показывает, что внутренне он солидарен с Эндикоттом, и терпеть крест на знамени его заставляет отнюдь не почитание этого «антихристианского» (!) символа, а политическая осторожность. Соответственно, «после длительного разбирательства Эндикотт был признан виновным в превышении власти и лишен права в течение одного года занимать какие-либо посты в администрации колонии» (там же). Готорн в рассказе нигде не упоминает об этих санкциях, поддерживая иллюзию, что Эндикотт своим поступком как бы уже положил начало полному народовластию.

² Hawthorne's Short Stories... P. 144–145. «Барабанщик, играй туш, солдаты и все, кто здесь присутствует, кричите ура в честь знамени Новой Англии. Отныне оно не подвластно ни папе, ни тирану!» (Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 174).

Несмотря на явную неточность этого лозунга (власть папы уже сотню лет не простирается даже на старую Англию, а до американской Революции, освободившей колонию от «тирана», оставалось еще более столетия), – он оказывает свое действие, и народ не «безмолвствует», но поощряет криком мятежный подвиг своего предводителя: «With a cry of triumph, the people gave their sanction to one of the boldest exploits which our history records»¹.

Но не только народ приветствует деяние Эндикотта. Снова звучит голос повествователя, завершающий рассказ прославлением имени решительного пуританина: «And forever honored be the name of Endicott!»². На случай, если читатель не до конца постиг природу описанного поступка, рассказчик напрямую связывает его с грядущей Революцией: «We look back through the mist of ages, and recognize in the rending of the Red Cross from New England's banner the first omen of that deliverance which our fathers consummated after the bones of the stern Puritan had lain more than a century in the dust»³.

Итак, Эндикотт заслуживает прославления именно как предтеча Революции. В последней фразе рассказа явно присутствует мифологизация национальной истории. Эта история нарочито удлиняется («mist of ages») и обозначается словами с религиозной коннотацией («omen», «deliverance», «our fathers»). Подкрепленная авторитетом «отцов», освященная опытом «столетий», эта история «избавления» (спасения, «deliverance»), кажется, не оставляет места для «нравственной рефлексии», она допускает только восторженное приятие.

Но не так это у Готорна. Даже сам однозначный оптимистический пафос последней «монологической» фразы рассказчика заставляет подозревать наличие дистанции между ним и автором. Кроме того, как

---

¹ Hawthorne's Short Stories... P. 145. «Криком торжества народ одобрил один из самых смелых подвигов, увековеченных нашей историей» (*Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 175*).

² Hawthorne's Short Stories... P. 145. «Да будет имя Эндикотта славно веками!» (*Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 175*).

³ Hawthorne's Short Stories... P. 145. «Мы смотрим сквозь мглу веков и узнаем в красном кресте, сорванном со знамени Новой Англии, первое предзнаменование того освобождения, которое наши отцы довели до конца, когда кости этого сурового пуританина уже более столетия покоились в земле» (*Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 175*).

мы помним, в рассказе постоянно звучат альтернативные голоса, прерывающие и дискредитирующие «официальный» монолог Эндикотта. Это наказуемые диссиденты, это сочувствующий им Роджер Уильямс, это, наконец, безобразные следы телесных наказаний на лицах в толпе, которые, быть может, красноречивее Эндикотта и громче своих носителей, приветствующих вождя, свидетельствуют о сомнительности пуританского «освобождения», равно как и того будущего, для которого настоящее явилось предзнаменованием. Все это делает невозможным для читателя вполне сочувствовать крикам, приветствующим иконоборческое деяние Эндикотта.

Но не может вызвать читательского сочувствия и английская власть, несмотря на внешне связанные с ней сакральные атрибуты. От рассказчика мы узнаем о таких присущих ей реалиях, как «*dissensions between Charles the First and his subjects*», «*tyrannically violent measures of the King*», «*the bigoted and haughty primate, Laud*»¹. Как известно из истории, в самой Англии в это время назревал кризис власти, завершившийся революцией. Таким образом, оппозиция «Эндикотт и красный крест» оказывается ложной: обе ее инстанции нравственно тождественны в обозначаемом ими революционном нигилизме, жестокости и властолюбию.

Все же одна фигура в рассказе контрастно выделяется на фоне блеска успехов и жестоких зрелищ. Это Роджер Уильямс. Вспомним его облик: почтенный возраст, простота и апостольское достоинство, печальная и тихая улыбка на кротком лице. Будучи пуританским священником, это духовное лицо, как мы знаем из истории, почти уже не принадлежит миру Эндикотта. Ему чужды как воинственность и агрессивность пуритан, так и радикализм и энтузиазм диссидентов. В рассказе Готорна Уильямс воплощает лучшие стороны личности, не искаженной фанатической приверженностью доктрине, но, несомненно, причастной христианскому идеалу. Роджер Уильямс – выразитель идеала Готорна, идеала умеренности, кротости, ненасилия в исповедании своей веры.

Таким образом, подлинный конфликт рассказа «Эндикотт и красный крест» пролегает в иной плоскости, чем та, которую подсказывает дихотомия его названия. Просвещенная религиозность Роджера Уильямса,

---

¹ Hawthorne's Short Stories... P. 138. «распри между Карлом I и его подданными», «все более жестокие действия короля и духовенства», «высокомерный и фанатичный примас Лод» (*Готорн Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 168–169*).

чуждая всяких крайностей, приверженная принципу свободы совести оказывается чужеродной как для воинственного и жестокого пуританизма, так и для подавляемого им инакомыслия «справа» (епископалы и монархисты) и «слева» (антиномисты и «энтузиасты»). А эти разные варианты «крайностей» оказываются сходными – если не по содержанию воззрений, то по своей роли по отношению друг к другу. Пуританский правитель Эндикотт яро восстает против традиционных институтов власти (короля и архиепископа), являя свою невольную солидарность с «левыми» инакомыслящими, и одновременно жестоко пресекает посягательства этих «левых» на свои собственные, пуританские институты (магистраты и община), выступая уже как бы на стороне «правого» авторитарного институционализма. Это противоречие в рассказе нарочито иронически обнажается и обыгрывается в полифонии голосов.

Следует также отметить, что, несмотря на возможное интуитивное переживание Готорном духовной и догматической несостоятельности различных течений протестантизма (см. его «Записные книжки»), – он не связывает нравственно отрицательные явления с приверженностью тем или иным доктринам как таковым. Роджер Уильямс является пуританским священником и членом губернаторского совета, но совершенно лишен худших черт правителей пуританской теократии, воплощенных в Эндикотте. Очевидно, что не догматическое *содержание* религиозности и не социальный статус как таковые являются для Готорна источниками нравственных искажений, а определенное *свойство* религиозности и политических убеждений, которое можно назвать «фанатизмом». Именно «фанатизм», религиозный и политический, подавляет естественные добродетели сердца (прежде всего любовь) и приводит людей к *бесчеловечности*.

При этом у Готорна в конфликте «сердца» и, условно говоря, «фанатизма» с первым неразрывно связан мотив единения, а со вторым – отчуждения. Здесь также можно назвать аналогичные дихотомии «любовь – ненависть», «миролюбие – агрессивность», «свобода – насилие», «умеренность – радикализм», «терпимость – нетерпимость», «кротость – злоба». Очевидно, что в основе осмысления писателем своей проблематики лежит нравственный критерий и идеал. В русле характерного для эпохи умонастроения¹, у Готорна можно наблюдать сакрализацию нрав-

---

¹ См.: *Chai, Leon. The Romantic Foundations of the American Renaissance. Ithaca and London, 1987. P. 169–210.*

ственных человеческих чувств (любовь, сострадание) при одновременном отказе от догматизма, от всех истин, которые не проистекают из внутреннего, субъективного «я».

Все это удобно укладывалось бы в гуманистическую мировоззренческую парадигму, унаследованную от эпохи Просвещения, если бы кругозор Готорна не включал бы в себя все же одну «догму» – о греховной поврежденности человека. В рассказе присутствует постоянное сомнение в правомерности безусловного следования «голосу сердца». Оно выражает себя через множественность голосов, ожесточенно спорящих друг с другом с разных точек на векторе движения духовной и политической истории Нового времени – движения во имя освобождения человека от всяческих оков и тирании, но приводящего его ко все большему порабощению.

Это же глубинное сомнение в единственной возможной для него религии – «религии сердца» – и составляет, по нашему мнению, главное внутреннее противоречие всей жизни Готорна и его творчества. Но оно же делает Готорна подлинным художником, для которого нравственная рефлексия – необходимое условие диалога автора с читателем.

Научное издание

Эпох скрещения

Литературные исследования
от Средневековья до Нового времени
Сборник памяти Андрея Николаевича Горбунова

Crosses of Time

Studia Litterarum from Middle Ages to Modernity
In memoriam Andrey Nikolaevich Gorbunov

Редакторы-составители
В. С. Макаров, Н. Э. Микеладзе

Дизайн и верстка *Е. Дроздовой*
Художник *Н. Чайковская*

Сдано в набор 20.02.2023
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 25,5. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство ЛИТФАКТ
Веб-сайт: <http://lfizdat.ru>
E-mail: litfakt@gmail.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н

ISBN 978-5-6048221-6-6

9 785604 822166